

ПЕСТОВ В. С.

КАТЕГОРИИ ЛИЦА, СКАЗУЕМОСТИ И ПРЕДИКАТИВНОСТИ
В ЯЗЫКЕ КЕЧУА

Как и во многих других языках, где категория притяжательности в имени оформляется аффиксально, а глагол имеет личное спряжение, в агглютинативном америндском языке кечуа наблюдается значительное сходство между притяжательными показателями существительного и личными окончаниями глагола. Известно, что в различных языках имеют место разнообразные варианты такого параллелизма: например, аффиксы существительного иногда материально совпадают или генетически общи с показателями лица объекта (семитские) или лица субъекта (тюркские) в глаголе; в венгерском языке парадигма притяжательных форм существительного материально тождественна парадигме так называемого объектного спряжения, отражающего лицо подлежащего с одновременным указанием на наличие определенного дополнения 3-го лица. В некоторых случаях рассматриваемые личные показатели в зависимости от характера глагола и конструкции всего предложения могут указывать либо на подлежащее, либо на дополнение, как, например, в абхазско-адыгских языках; в языках активного строя притяжательные аффиксы имени часто служат и для указания на субъект стивного глагола, в то время как субъект активного глагола выражается особой серией аффиксов [1, с. 149 и др.]. Рассматриваемые форманты могут сохранять более или менее очевидную генетическую связь с личными местоимениями; в других случаях такая связь не прослеживается. Наконец, интересующие нас личные показатели в ряде языков органически входят в состав именного или глагольного слова, подчиняясь, например, законам сингармонизма, если таковой имеется, в других же функционируют в качестве полусамостоятельных клитик.

Мы не ставим перед собой задачи классифицировать все эти разнообразные и, по-видимому, неоднородные явления, представляющие, впрочем, значительный интерес с точки зрения определения понятий глагольности и сказуемости. Вопросам, связанным с формированием глагольного слова из синтаксически нейтральной основы и личных показателей, генетически общих с именными, посвятил, как известно, немало страниц своего фундаментального труда И. И. Мешанинов [2]. Некоторые интересные данные, имеющие отношение к этой проблеме, можно найти и в языке кечуа¹.

В этом америндском языке форманты лица числа обладателя в имени обнаруживают несомненное сходство (но не идентичность) с показателями лица/числа субъекта (и, частично, объекта) в большинстве модально-временных парадигм. В то же время эти экспоненты материально не связаны с основами личных местоимений. Аффиксы лица — как имени, так и глагола — органически входят в состав фонетического слова, не изменяя его акцентологической схемы.

Интересующие нас личные аффиксы кечуанского глагола регистрируются в большинстве модально-временных парадигм субъектного спря-

¹ Обстоятельный анализ структуры слова, в том числе и глагольного, в языке кечуа осуществлен Е. И. Царенко [3]. Так, им отмечены некоторые особенности морфологического строения кечуанского глагола в отличие от структуры имени, в частности, вокалический исход глагольной основы, что имеет далеко идущие последствия на морфонологическом уровне.

жения. Ниже приводятся формы спряжения глагола *guway* «делать» в настоящем времени изъявительного наклонения в сопоставлении с притяжательными формами существительного *uma* «голова»².

Личные аффиксы глагола		Лично-притяжательные аффиксы существительного	
Ед. число		Ед. число	
<i>guwa-ni</i>	«я делаю»	<i>uma-y</i>	«моя голова»
<i>guwa-nki</i>	«ты делаешь»	<i>uma-yki</i>	«твоя голова»
<i>guwa-n</i>	«он делает»	<i>uma-n</i>	«его голова»
Мн. число		Мн. число	
<i>guwa-yku</i>	«мы (экскл.) делаем»	<i>uma-yku</i>	«наша (экскл.) голова»
<i>guwa-nchis</i>	«мы (инкл.) делаем»	<i>uma-nchis</i>	«наша (инкл.) голова»
<i>guwa-nkichis</i>	«вы делаете»	<i>uma-ykichis</i>	«ваша голова»
<i>guwa-nku</i>	«они делают»	<i>uma-nku</i>	«их голова»

Анализируя структуру этих формантов, можно выделить в них помимо собственно показателей лица, генетически общих для глагола и существительного, еще и элемент *-n-*, присутствующий лишь в финитных формах глагола и интерпретируемый нами в предварительном порядке как некоторая характеристика глагольности или сказуемости. Этот вывод основывается на нижеприводимых соображениях.

Учитывая недопустимость стечения гласных в кечуа и, следовательно, закономерность $i > y$ после гласной, формант *-i-* можно считать общим для 1-го л. как ед. ч. глаголов, так и существительных.

Форма 1-го л. мн. ч. (экскл.) представляет собой сочетание *-i-* с суффиксом мн. ч. *-ku*; последний, несомненно, родствен показателю множественности существительных *-kupa*. Эта единственная — в говоре Куско — форма в парадигме настоящего времени, где отсутствует вышеупомянутый элемент *-n-*, что можно объяснить либо влиянием соответствующей именной формы, либо, что более вероятно, редукцией более старого форманта *-niki*, регистрируемого в говоре Айякучо. Показатель *-yku* находим и в личном местоимении 1-го л. мн. ч. экскл. *ñoqayku*. Основа *ñoqa-* имеет, видимо, все же неместоименное происхождение, чем и объясняется возможность присоединения к ней личного окончания *-y*. Заметим, что «показатель глагольности» *-n-* не может и не должен участвовать в образовании местоименных форм. Действительно, при наличии *-niki* в 1-м л. мн. ч. экскл. глаголов соответствующее местоимение в говоре Айякучо регистрируется в той же форме, что и в Куско, т. е. *ñoqayku*.

В 5-й форме у существительных находим *-nchis* (фонетически *-ñchis*) вместо ожидаемого **-ychis*, что, по нашему мнению, объясняется отмечаемой в кечуа тенденцией к нейтрализации среднеязычных *y* и *ñ* перед пататализованным альвеолярным³. То же и в личном местоимении 1-го л. мн. ч. вкл. *ñoqanchis*. Соответствующий глагольный формант можно интерпретировать как сочетание *-n-* с именным суффиксом в форме *-nchis* с упрощением nn ($ññ$) $>$ n ($ñ$)³.

Труднее дать объяснение формам 2-го л. ед. и мн. ч. имен и глаголов. Наиболее вероятным нам кажется предположение о вторичности элемента *-i-*, появившегося в именном суффиксе по аналогии с формой 1-го л. или в связи с общей для именной и глагольной парадигм тенденцией к двухконсонантному началу личных аффиксов.

² Статья написана в основном на материале говора Куско. Примеры даны в практической орфографии, распространенной в Перу, см. [4].

³ Обращает на себя внимание противопоставление показателей множественности *-ki* (в 4-й и 7-й формах) и *-chis* (в 5-й и 6-й), строго выдерживаемое во всех модально-временных парадигмах. Так, Б. Потье [5] рассматривает форму на *-nchis* как «гетерогенное множественное», образованное от формы 3-го л. ед. ч., в отличие от 4-й формы, представляющей собой «гомогенное множественное», образованное от формы 1-го л. ед. ч. Такой вывод позволяет по-иному взглянуть на происхождение форм инклюзива и эксклюзива, однако приводит к новым проблемам и в целом представляется нам неубедительным.

В 3-м л., как уже отмечалось, повсюду обнаруживается *-n* (иногда факультативное, о чем ниже).

Изложенные выше факты позволяют представить строение личных аффиксов имени и глагола в следующем виде (в круглых скобках даны реконструируемые элементы, отсутствующие, по крайней мере, в говоре Куско, в квадратных — предположительно вторичный элемент, возникший по аналогии):

Имя	Глагол
1. <i>i</i>	<i>n-i</i>
2. [<i>i</i>]ki	<i>n-ki</i>
3. <i>n</i>	<i>n</i>
4. <i>i-ku</i>	(<i>n</i>)- <i>i-ku</i>
5. <i>n < i-chis</i>	<i>n-(n < i)-chis</i>
6. [<i>i</i>]ki-chis	<i>n-ki-chis</i>
7. <i>n-ku</i>	<i>n-ku</i>

Анализ личных показателей подтверждает предположение о том, что рассматриваемые финитные формы глагола генетически распадаются на собственно показатели лица, идентичные таковым в имени, и элемент *-n*, относительно которого, как отмечалось, естественно предположить, что именно он является характерным выразителем некоторой глагольно-сказуемой сущности. Для более точного определения этого элемента необходимо выйти за рамки морфологии глагола и рассмотреть категорию сказуемости в кечуа как на синтаксическом, так и на логико-грамматическом уровне⁴.

В свете исследований В. З. Панфилова [см., например, 6, 7] в языке кечуа можно различать два типа сказуемого: 1) логическое сказуемое (предикат, рема), например: *Wasiykin wasiyman ta aswan hatun* «Твой дом больше моего», *Karuta chayanapaqqa allillaman ta purina* «Чтобы далеко уйти, надо идти медленно». Показателем ремы является элемент *-n* (*-mi* после согласного), относимый обычно к частицам на том основании, что он может оформлять любой член предложения. Во втором примере наличествует и показатель логического подлежащего (субъекта, темы) *-qa*; 2) синтаксическое сказуемое а) выражаемое именной частью речи: *Kayqa wasin* «Это дом», *Kay warmi(qa) sumaq(mi)* «Эта женщина красива» (ср. *Sumaqqa kay warmin* «Кто красив, так это вот эта женщина»); именованное сказуемое, как правило, оформляется той же «частицей» *-n*; б) собственно глагольное сказуемое: *ruwani* «я делаю», *aranku* «они несут», *Noqaqa sara p'unchaymi rapaywan kuska mikhuni* «Я обедаю вместе со своей сестрой каждый день». В последнем примере *noqaqa* «я» — логическое и синтаксическое подлежащее, *sara p'unchaymi* «каждый день» — логическое сказуемое и *mikhuni* «ем, обедаю» — глагольное сказуемое, выраженное 1-м л. ед. ч. индикатива.

Анализ этих данных приводит к выводу о том, что выделяемый в финитных формах глагола элемент *-n*, а также показатели именованного сказуемого и ремы обнаруживают не только материальную тождественность, но и известную функциональную общность. Во всяком случае представляется вполне естественным, что личные формы глагола, единственная функция которых в языке кечуа — быть синтаксическим сказуемым, имеют в своем составе экспонент, материально идентичный показателю логического и именованного сказуемого. Можно предположить, что синтаксическая категория предикативности в языке кечуа исторически выражалась на морфологическом уровне одинаково, независимо от того, какой частью речи было представлено сказуемое. Так, предложения *Kay runa(qa) way-*

⁴ При этом мы исходим из того, что логико-грамматическое членение предложения определяется надфразовым контекстом (эксплицитным или имплицитным), в то время как синтаксическое строение предложения не зависит от последнего. Предложение, как и единицы других уровней языковой структуры, можно рассматривать как с точки зрения его компонентов, или членов (уровень синтаксиса), так и в аспекте его внешних связей (уровень логико-грамматического членения). Аналог соотношения синтаксического и логико-грамматического уровней можно видеть, например, в той взаимосвязи, в которой находятся словообразование и словоизменение или морфообразование (морфонология) и морфология.

nan «Этот человек молод» и *Kau runa(ga) llank'an* «Этот человек работает» и сейчас идентичны не только с точки зрения синтаксического строения, но и с точки зрения морфологической структуры сказуемого. Лексемы, выступающие в них в качестве сказуемого, различаются лишь семантически: *kauna* выражает качество, а *llank'a* — действие, хотя и между этими категориями граница не всегда отчетлива. Так, предложение *Kauqa k'anchar* наряду с переводом «Это свет» допускает и перевод «Это светит». «...В ряде языков, — отмечает В. З. Панфилов, — любое имя в функции сказуемого становится глаголом, получая особый словообразовательный аффикс и словоизменительные формы глагола. Так, например, в эскимосском языке имеем: *юк* „человек“, *юг-у-к'* „это есть человек“; *малг'ук* „два“, *малг'уг-у-к* „это есть два“ и т. п.» [7, с. 10]. Конечно, и кечуанские формы типа *gupan* «(это) человек» можно было бы рассматривать как предикативные формы имени наподобие вышеприведенных или форм категории сказуемости, например, в турецком языке [8]. Однако говорить о категории сказуемости кечуанского имени все же нет оснований, так как формы типа *gupan* не имеют словоизменительных категорий (лицо, число, время, наклонение), типичных для глагольного сказуемого. Впрочем, возможность выразить эти категории в языке кечуа, естественно, имеется благодаря наличию связки *kau*, обнаруживающей несомненную материальную общность с указательным местоимением *kau* «этот». Связка *kau* не употребительна в 3-м л. наст. вр., но наличие у нее полной глагольной парадигмы, с одной стороны, и отсутствие семантической наполненности — с другой, превращает ее в своего рода морфологическую «подставку» для соответствующих аффиксов, не сочетающихся с именем непосредственно.

Что касается взаимоотношения логического и синтаксического сказуемых, то и здесь в ряде языков регистрируются идентичные способы их оформления. Так, при сравнении китайских предложений *Ta kany chjungo bao* «Он читает китайскую газету» и *Ta kany-dy шы чжунго бао* «Он китайскую газету читает»⁵ обнаруживается, что при поляризации высказывания с точки зрения логико-грамматического членения тема в китайском языке оформляется номинализатором *dy* и становится синтаксическим подлежащим, а рема занимает позицию именного сказуемого и снабжается присущей последнему связкой *шы*. Об этом же свидетельствуют и факты тех языков, где существует категория определенности/неопределенности имени, находящая выражение как в пределах слова (семитская нунация/мимация), так и вне его (артикль). В этом случае для неопределенного имени характерна как функция ремы, так и функция именного сказуемого. Заметим, что и кечуановедческой грамматической традиции не чужда интерпретация экспонентов темы и ремы как аналогов соответственно определенного и неопределенного артиклей европейских — в первую очередь, естественно, испанского — языков.

Обращает на себя внимание материальная идентичность показателя 3-го л. ед. ч. обладателя в имени *-n* (после согласных — с предшествующим эвфоническим интерфиксом *-ni-*), форманта 3-го л. ед. ч. *-n* в глаголе и показателя ремы *-n* (*-mi* после согласных). Исходя из изложенных выше фактов, мы соотносим глагольное *-n* в первую очередь с показателем ремы, однако нельзя исключать и генетическую общность первого с двумя последними. Процесс их постепенной дифференциации можно сопоставить с эволюцией функции нунации в семитских языках, где так называемое «танвиное окончание» — по И. М. Дьяконову — первоначально указывало на определенность и лишь затем — на неопределенность имени, оформляя последнее, в частности, в функции сказуемого [9].

Представляется вполне вероятным, что в языке кечуа первоначально дейктический элемент *-n*, соотносимый с 3-м лицом (по Э. Бенвенисту — с не-лицом), стал употребляться как для выделения именного сказуемого (аналогично тому, что произошло позднее с другим дейктиком *-kau*, пре-

⁵ Примеры заимствованы у В. З. Панфилова [7, с. 13].

образовавшимся в связку ⁶), так и для выделения любого члена предложения в функции логического предиката. На следующем этапе произошло еще одно функциональное расщепление морфемы *-n*: она стала использоваться и в личных формах глагольного сказуемого, что способствовало формированию личного спряжения (в ряде модально-временных парадигм), отличающегося от притяжательных форм имени. Возможно, что на этом этапе развития языка заключительная позиция в предложении была наиболее типична не только для сказуемого, но и для ремы ⁷.

Глагольный элемент *-n*, по-видимому, еще не утратил полностью функциональной связи с показателем ремы, так как sporadически регистрируется его отсутствие в 3-м л. ед. ч. (но никогда не в первых двух, где он органически вошел в состав личных постфиксов). В большинстве случаев это, вероятно, связано с наличием в предложении особо выделяемого логического предиката, «перетягивающего» к себе указанную морфему. Но чаще всего взаимосвязь глагольного *-n* с показателем логического предиката уже не осознается, и при необходимости выделить глагольное сказуемое как рему к глаголу присоединяется постпозитивно тот же элемент *-n(-mi)*: *Noga ruwanin* «Я делаю», *Rau ruwanmi* «Он делает» и т. д.

В материальном плане эти три форманта можно было бы возвести к одному назальному элементу *-n/-m*; при этом в имени морфонологическая структура которого, как отмечалось выше, отлична от глагола, в позиции после согласного появился звфонический интерфикс *-mi-*, характерный только для имени, в то время как в глаголе, основа которого оканчивается на гласный, необходимость в таком элементе не возникла. Наконец, в функции показателя ремы, имеющего очень большую валентность и прилегающего к словам как с вокалическим, так и с консонантным ауслатом, регистрируется полногласный вариант этой морфемы — *-mi*, употребляемый в постконсонантной позиции. (Ср. в связи с этим постконсонантный вариант *-si* морфемы *-s*, функция которой — указание на чужую речь.)

Таким образом, материал языка кечуа, как кажется, свидетельствует о происшедшем в нем процессе проникновения формального показателя предикативности в глагольное слово, т. е. о формировании личных форм спрягаемого глагола на базе категории предикативности в сочетании с личными аффиксами, общими для глагола и для имени. Это позволяет предположить, что единообразие в морфологическом оформлении сказуемого и спрягаемого глагола, с одной стороны, а также логического предиката и сказуемого — с другой (явление отнюдь не уникальное), может распространиться и на все эти три, в конечном счете взаимосвязанные, категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
2. Мещанинов И. И. Глагол. М.—Л., 1948.
3. Царенко Е. И. К проблеме структуры слова в агглютинативных языках (на материале языка кечуа): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1974.
4. Пестов В. С. Об отражении субъектно-объектных отношений в глаголе кечуа.— ВЯ, 1980, № 4, с. 129.
5. Pottier V. Inclusif et exclusif dans le système personnel du quichua.— BFLS, 1963, 41e année, № 8, p. 533—536.
6. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
7. Панфилов В. З. Языковые универсалии и типология предложения.— ВЯ, 1974, № 5.
8. Дмитриев Н. К. Турецкий язык. М., 1960, с. 40—41.
9. Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. М., 1965, с. 58—59.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. 1974, с. 205 и сл.

⁶ Об использовании местоимений в функции связки см. [10].

⁷ Учитывая наличие в кечуа ряда реликтов, свидетельствующих об активном (в терминологии Г. А. Климова) прошлом этого ныне номинативного языка (см. [1, с. 238—241]), было бы интересно исследовать предложение в языках активного строя в плане его логико-грамматического членения.